

Режиссер на чемодане

В то мартовское утро все слушатели муз, как всегда, ровно в положенное время явились в театр. Перед началом работы обменивались новостями, курили. Кто-то из теноров успел даже рассказать свеженький анекдотец. Одним словом, все шло так же, как и во все прежние дни. Вдруг то ли бас, то ли баритон (теперь уж трудно установить, кто именно) роковым голосом с интонациями Зарецкого из «Онегина» произнес:

— Исчез... пропал...

— Что?... вскричали все в ужасе, думая о самом трагическом. — Пропал голос?!

— Да нет же, — послышалось в ответ, — голос пока при мне. Исчезло более существенное...

— Но что?... Что именно?..

— Да будет вам известно, пропал, так сказать, без вести... сам Борис Матвеевич...

Кто-то удивленно присвистнул. — Борис Матвеевич?.. Такой аккуратный, строгий, требовательный и вдруг?... — прошептала в недоумении одна из певиц.

— Позвонить в милицию... — нашелся высокий худой артист хора, — там разберутся!

— Да... да... — поддержали его.

Самые оперативные и отзывчивые уже бросились к автомату, но в это время подоспело новое, еще более ошеломляющее известие. Через мгновение артистический ансамбль взволнованным речитативом повтарял:

— Бруштейн сбежал!.. Сбежал Бруштейн!

Гром с ясного мартовского неба, пожалуй, менее удивил бы арти-

стов Башкирского государственного театра оперы и балета. Ведь Борис Матвеевич Бруштейн не кто иной, как главный режиссер театра.

— Что же будем делать? — трагически прозвенело колоратурное сопрано. — Ведь он всего-то несколько месяцев пробыл у нас! И опять мы одни?!

А в эти минуты курьерский поезд уже мчал Б. М. Бруштейна в Ленинград. Знакомый перестук колес, мельканье телеграфных столбов...

Нечего греха таить, любил Борис Матвеевич дальние переезды и не раз мерил пространства России с востока на запад и обратно. Человек с широкой натурой, он не засиживался долго в одном городе: Новосибирск — Улан-Удэ — Пятигорск — Кемерово — Ленинград и, наконец, Уфа. И все за какие-нибудь шесть лет после окончания Ленинградской консерватории. Правда, главная «творческая особенность» нашего режиссера к консерваторскому курсу никакого отношения не имела. Это — горячая, трогательная привязанность к подъемным, проездным, квартирным, суточным. Любимым предметом чтения Бориса Матвеевича были не оперные клавиры, а кассовые ордера.

У нашего героя выработался свой, особый, благородный стиль артистической деятельности. Он никогда не дожидался просьбы о выходе, он покидал сцену «по собственному желанию» с открытым забралом, с высоко, достойно поднятой головой, как в большой опере Мейербергера.

Так примерно поступил он и в Уфе, о чем предупредил в своем заявлении Министерство культуры БАССР. Правда, этот творческий документ пришел туда уже после внезапного исчезновения его автора.

Но в Уфе оказались люди жестокосердые, холодные. Они не оценили прямоты и возвышенных качеств души Бруштейна. Министр культуры издал приказ: «Главный режиссер Башгостеатра оперы и балета тов. Бруштейн Б. М. без разрешения директора театра и руководства Министерства культуры БАССР самовольно оставил работу и уехал в г. Ленинград...

На основании вышеизложенного приказываю:

Главного режиссера театра оперы и балета тов. Бруштейна Б. М. от работы отстранить... Обязать директора театра взыскать выданные тов. Бруштейну Б. М. подъемные и проездные».

Письмо Бруштейна, последовавшее в ответ на приказ, было полно гнева и возмущения: «Присланный вами расчет к погашению принять не могу, ввиду его незаконности... О возмещении подъемных не может быть и речи, так как они затрачены на сборы и подготовку к выезду. Также не может быть и речи о возмещении проездных. По поводу, как вы говорите, нарушения мною законодательства, рекомендую обратиться к юристу».

Что ж, Бориса Матвеевича таким приказом трудно испугать. Ведь ему это не впервой. Он знает, что

многие работники Министерства культуры отзывчиво и тепло относятся к нему и подобным гастроледам, видимо, боясь «травмировать» их артистические индивидуальности.

А во что обходится подобная «опека», можно проследить на примере того же Башкирского театра. Здесь уже стало традицией существование без главного и очередного режиссеров. Да и только ли режиссеров? Долгое время труппа была без балетмейстера. За последние четыре года в театре сменились четыре режиссера и три балетмейстера.

Отсюда и результаты. После декады башкирского искусства и литературы в Москве, состоявшейся в 1955 году, театр показал одиннадцать новых постановок. Не очень-то густо! Ведь за каждый сезон коллектив обязан ставить шесть новых спектаклей. И художественный уровень работы коллектива оставляет желать много лучшего. Зрители в театр ходят редко, даже на премьерных попутной зал.

Театр не чувствует заботы со стороны республиканских организаций Башкирии, хотя всем давно известно, что обстановка здесь явно неблагоприятная. Видимо, кому-то еще невдомек, что на одних заез-

жих режиссерах национальное искусство далеко не уедет. Пусть не подумают товарищи из Министерства культуры РСФСР, что в Башкирии люди настроены против приезжих. Нет, мы против летунов, которые, едва ступив на нашу землю, сразу же начинают изучать расписание отбывающих поездов и укладывают свои чемоданы.

В театре давно ждут опытных режиссеров и балетмейстеров, которые бы с сердцем и душой взялись за дело, занялись бы воспитанием и подготовкой национальных кадров постановщиков. Ведь есть кого растить, да вот, жаль, никому!

...По утрам, как обычно, в Башкирском театре собираются на репетицию осиротевшие слушатели муз. Их уже не волнует вопрос, где сейчас Борис Матвеевич получает очередные подъемные и квартирные. Видимо, Министерство культуры РСФСР все же положит конец его затянувшимся гастролям.

Коллектив беспокоит и тревожит другое: кого на сей раз пришлют в Башкирию главным режиссером оперного театра, не повторится ли история, которая произошла в памятное весеннее утро.

С. АНТОНОВ,
С. САФИУЛЛИН.

Уфа.

24 APR 1956

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
- МОСКВА